

Наталья Бондарчук

СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

Вернисаж
Помянчи

Таллин
говорил о Сергеев
Бондарчуке:
«Великое
будущее
ожидает этого
актёра»

Над своей главной
картиной «Война
и мир» Бондарчук
работал семь лет

Успех «Отелло» был
огромный, фильм
удостоили приза
в Каннах

Рассказ «Судьба
человека» сыграл
решающую роль
в судьбе Бондарчука

Лента жизни

Зеркало памяти

Наталья Бондарчук

Сергей Бондарчук. Лента жизни

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бондарчук Н. С.

Сергей Бондарчук. Лента жизни / Н. С. Бондарчук —
«Издательство АСТ», 2020 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-126847-3

«Молодая гвардия», «Отелло», «Попрыгунья», «Судьба человека», «Война и мир», «Они сражались за Родину», «Степь», «Борис Годунов» – названия этих художественных произведений неразрывно связаны с именем выдающегося художника Сергея Фёдоровича Бондарчука, чьё мастерство стало истинно народным достоянием. Книга написана его дочерью, известным режиссёром, актрисой и сценаристом Натальей Бондарчук. Перед читателем проходят детские и юношеские годы её отца, время, когда произошло его творческое становление, возникла любовь к театру и кинематографу, которой он остался верен до конца жизни. Книга повествует о небывалом взлёте и всемирном признании народного артиста СССР, кинорежиссёра Сергея Бондарчука, о любимом ВГИКе и, конечно, об учителях, друзьях и близких, кто разделял его драму жизни, – Сергею Герасимове, Инне Макаровой, Ирине Скобцевой, Василию Шукшине, Нонне Мордюковой, Никите Михалкове, Сергею Никоненко и других соратниках. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-126847-3

© Бондарчук Н. С., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Детство. Белозёрка	9
Сказки и легенда Белого озера	11
Советская власть	12
Таганрог	16
Ейск	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Бондарчук

Сергей Бондарчук: лента жизни

Издательство благодарит *Игоря Днестрянского* за помощь в подготовке книги

В оформлении издания использованы фотографии из фондов Киноконцерна «Мосфильм», РИА Новости и личного архива автора.

© Н.С. Бондарчук, 2020
© В.Ю. Шмыров, послесловие, 2020
© Киноконцерн «Мосфильм», кадры
© из фильмов, 2020
© РИА Новости, 2020

© ООО «Издательство ACT», 2020

Детство. Белозёрка

Кто ребёнком не вслушивался в пение птиц, не впитывал аромат полей и лесов, не переживал утреннего пробуждения природы, тому потом трудно поведать о мире чувств, жизни сердца и ума.

Сергей Бондарчук

Мой отец родился 25 сентября 1920 года в селе Белозёрка Херсонской области на Украине в семье Бондарчуков – Фёдора Петровича и Татьяны Александровны.

Моего дедушки в это время в доме не было. Он нёс службу в Красной Армии и прислал письмо своей любимой жене. Но пока письмо шло, то в пору было поздравить любимых с Новым годом. К счастью, письмо сохранилось.

С Новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем. Милый мой ангел, с ангелочком. Спешу вас уведомить, что я, слава Богу, жив-здоров, чего и вам желаю от Господа Бога. Скорей спешу уведомить тебя о том, что творится сейчас со мной. Ведь я получил письмо! Главное – это то, что я знаю, как зовут моего Сына!!! О, Боже. Серёжа, Сергей Фёдорович!

Мне очень, очень нравится это имя. Кто его придумал? О, Танюшечка, милая моя детка, ангел мой, молись за меня. Я молюсь за тебя. В казарме тишина. Все спят. Второй этаж. Окна прямо на собор Иоанна Кронштадтского. И всё же я слышу звук колокола, точь-в-точь как в нашем монастыре. Танюшечка, пиши почаше и подольше. Остаюсь любящий вас муж и отец. Целую крепко.

Фёдор Бондарчук.

Моя бабушка, Татьяна Александровна, не придумывала имя. Ведь сын у неё родился 25 сентября – а это День памяти Сергия Радонежского, Игумена земли Русской, Всея России Чудотворца. В этот день он почил. В семье была его икона. Верующая Татьяна не стала сообщать отцу, что Серёжу покрестили в том самом Благовещенском монастыре, о котором упоминает в своём письме двадцатитрёхлетний Фёдор Петрович Бондарчук. Позже монастырь был разрушен. Но отец всегда помнил, что родился он в День памяти великого святого Сергея Радонежского.

Благовещенский женский монастырь находился в двенадцати километрах от Херсона, на полуострове, между озёрами Белое и Безмен. Место было красивым и тихим, с цветущими кустами сирени и яблоневым садом. На территории монастыря было двадцать шесть зданий, размещалась церковь во имя Святой Троицы. В 1912 году был возведён Свято-Троицкий собор. Он был увенчан семнадцатью позолочёными куполами. Росписи в храме копировали фрески храма Христа Спасителя в Москве, Владимирского собора в Киеве и церквей Киево-Печерской Лавры. Их выполняли живописцы, приглашённые из Москвы. Ещё перед началом строительства Свято-Троицкого собора одна из монахинь, матушка Федора, говорила: «Строят собор, а выстроят детский дом»... Наступили смутные времена. Сёстры монастыря создали артель, наивно полагая, что с советской властью можно ужиться. Осенью 1920 года монастырский приют перешёл в ведение Унаробраза¹, и вместо него был устроен детский городок им. Петровского, но на службе в нём по-прежнему оставались члены общины, отказавшиеся от вознаграждения за свой труд. В том же году монастырское хозяйство со всеми угодьями, пахотными землями, огородами, фруктовым садом, виноградником было национализировано

¹ Уездный отдел народного образования.

и объявлено культсовохозом² «Пролетарская жизнь». Но обслуживание и управление им по-прежнему оставалось в руках сестёр. Именно поэтому в монастырских стенах продолжали крестить детей. Верующая Татьяна Александровна и баба Мотя успели покрестить младенца. В Белозёрке издавна в мире и согласии проживали сербы, болгары, турки, цыгане, венгры, русские и украинцы. Более двадцати национальностей. Папа мой любил говорить: «Дед мой – болгарин, бабушка – сербка, по паспорту я – украинец, а в душе я – русский».

В хате Бондарчуков висел портрет Тараса Шевченко и портрет дедушки Сергея по отцу, болгарина по происхождению, Петра Константиновича Бондарчука и его жены – сербиянки Матрёны. Или, как нежно её называли в семье, – бабы Моти. У них было три сына: старший – Александр, средний – Михаил, младший – Фёдор и дочь Евгения. Семья была дружная. Про Бондарчуков говорили, что они – люди гордые, но справедливые, готовые всегда прийти на помощь. Не от моего ли прадеда Петра Константиновича, не от казачьих ли вольных общин, непокорных и могучих, складывался характер Фёдора Петровича, а затем – и моего отца... Ведь именно о казаках складывались легенды как об особой породе людей – гордых, решительных, вольных, всегда готовых как к обороне, так и к нападению. Во все времена казаки умели совмещать в себе и землепашцев, и воинов, и верных отцов.

Бабушка – сербиянка, женщина прекрасная, смуглая, темноглазая и темнокосая. Во внучке души не чаяла, и все близкие говорили: «Да он лицом – весь в тебя».

² Культурные советские хозяйства – так сразу после революции назывались совхозы.

Сказки и легенда Белого озера

Наверное, каждому из нас в раннем детстве бабушка рассказывала сказки... Вот лежу я на печке, да ещё с головой укрытый тулупом. Вечер. И на дворе, и на печи темно. В этой таинственной тишине слышу шёпот бабы Моти: «В некотором царстве, в некотором государстве...»

Сергей Бондарчук

Название озера – Белое – уходит в седую старину. Во времена Крымского ханства его называли Ак-Гюль (Белое озеро). С незапамятных времён существует легенда о скифском Золотом коне, который находится в Белом озере. Взору Серёжи от младенчества открылось удивительное Белое озеро. Пойма Днепра, ковыльные степи. Фёдор Петрович очень любил землю, обхаживал её, разбивал виноградники, любил скакать на лошади по степи... Обличьем был – натуральный Гришка Мелехов из «Тихого Дона» Шолохова. А ещё ближе по характеру – отец Гришки, Мелехов-старший, обидчивый, вспыльчивый, весёлый, лицом худощавый, с горбинкой на носу. Ещё в юности Фёдор Петрович пристрастился к технике – локомобилям, они в ту пору работали на соломе, косилкам и молотилкам, умел делать мелкий ремонт и слыл мастеровым человеком. Татьяна Васильевна, мать Сергея – женщина крепкая, волевая и мудрая. В девичестве Токаренко, Татьяна была двенадцатым ребёнком в семье. Проживала семья в Херсоне. Отец Татьяны Васильевны был отличным столяром. У него была мастерская по изготовлению мебели, куда он привлекал рабочих. Людей он находил сам, учил их своему мастерству. Мебель изготавливалась под лаком: буфеты, столы... Да не просто столы, а с гнутыми ножками, с инкрустацией из разных древесных пород. Мебель увозилась на ярмарку в Каховку, там успешно продавалась. Младшая дочь Татьяна училась на «отлично» и закончила четыре класса церковно-приходской школы. Она могла бы учиться и дальше, но денег на её дальнейшее образование у родителей не было. Татьяна рано пристрастилась к чтению. Фёдор Петрович появился в её жизни, когда она поссорилась со своим женихом. У старших её сестёр и братьев уже были дети. И когда они видели, как влюблённый в Татьяну Фёдор несёт ей охапку цветов, детишки кричали: «Цыган твой идёт во-от с таким букетом!» Мой дедушка действительно был похож на цыгана: черноокий, чернобровый, с тёмным бронзовым загаром. Сыграли они свадьбу и очень любили друг друга.

По воскресеньям молодые Фёдор Петрович и Татьяна Васильевна приезжали в гостеприимный родительский дом Татьяны. Там их угостили знатным борщом с бараньей головкой. В один из таких дней отец Татьяны скоропостижно скончался. Спросил: «Который час?» Ему ответили: «Двенадцать часов». Он перешагнул порог дома, упал и отошёл к Господу.

Советская власть

Задача истории и искусства, как я понимаю, – найти и показать истину событий, правду, как мы сегодня говорим.

Сергей Бондарчук

В канун 1917 года в стране ощущалось нарастающее беспокойство и ожидание чего-то неизбежного. Кровавое противостояние масс народа стало началом революции, отречения от престола царствующего императора Николая II, прихода к власти Временного правительства. По причине удалённости Херсона от крупных «революционных» городов события бурного 1917 года прошли здесь без ярких и кровавых инцидентов. В ночь с шестого на седьмое марта городская полиция, стражники и жандармы сложили свои полномочия и сдали оружие. Охрану спокойствия и порядка взяли на себя войска местного гарнизона. Из упразднённых тюрем вышли на свободу преступники. По Херсону прокатилась волна грабежей и краж. Стали расти цены на продукты. Местное искусство в виде театров и биоскопов³ внесло свою лепту в революционный хаос. Сообразно времени демонстрировались фильмы и спектакли с названиями: «Страна ужасов», «Провокатор», «Ужасы бесправия», «Вова-революционер»… В связи с назначенными на тридцатое июля 1917 года выборами в городское самоуправление началась предвыборная кампания. Голосовали по одиннадцати спискам. Плакатов и обращений было непривычное множество: «Граждане! Голосуйте за учительский список № 6! Образование народа – прежде всего!», «Граждане евреи! Помните, что вам надо голосовать только за список № 2», «Громадяни! Хто стоїть за те, щоб Україна була вільною, хто за національно-територіальну автономію України, голосуйте за український список № 11!» Различные партии вели горячие дискуссии о народном счастье, а жизнь в городе продолжала ухудшаться.

Произошедшая в Петрограде в октябре 1917 года социалистическая революция жизнь в Херсоне не изменила. Потом Центральная Рада в Киеве провозгласила Украинскую Народную Республику. Херсонская губерния была признана неделимой частью Украинской Республики. В период с марта 1917 года по апрель 1920 года власть в Херсоне неоднократно менялась. Только 4 февраля 1920 года в нём окончательно была установлена Советская власть.

Все три брата Бондарчуки – Александр, Михаил и Фёдор – до 1917 года служили в царской армии. Для людей, воспитанных в понятиях русского воинства, было невозможно переменить мировоззрение в такой степени, чтобы сознательно бороться за прямо противоположные идеалы, откровенно отрицающие не только престол, но и веру, и отчество. Но люди были насилием мобилизованы большевиками под угрозой репрессий в отношении семей, которые могли остаться без средств к существованию. Но каким бы ни было отношение большевиков к царской армии, они ни шагу не могли ступить без бывших офицеров. Повсеместно появлялись агитки: «В этот критический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности Родине и вызываем к Вам с настоятельной просьбой забыть все обиды и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию». Ставший впоследствии любимым писателем Сергея Фёдоровича Бондарчука Михаил Шолохов блестательно отразил мир, расколотый надвое, в своём романе «Тихий Дон»… Действие романа охватывает события с 1912 по 1922 год. Смысл жизни Григория Мелехова, главного героя романа, – в трагических поисках правды жизни, разрешении противоречий, выборе между миром и войной, милосердием и жестокостью, любовью и ненавистью. Брат главного героя – Григория Мелехова – говорит: «Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто с плугом проехались: один – в одну сторону, другой – в другую, как под леме-

³ Аппарат для съёмки и проекции фильмов, сильно упрощённый предшественник аппарата братьев Люмьер.

хом. Чёртова жизнь и время страшное!» Это страшное время встало перед каждым из трёх братьев Бондарчуков. Старшие – Александр и Михаил – перешли в Красную Армию, подав соответствующий рапорт. Младший брат Фёдор сопротивлялся… Он другую правду искал, душой болел. И решил наложить на себя руки. Но братья помешали этому, написав прошение за Фёдора, которого сразу же откомандировали в Петроград.

После продразвёрстки 1920 года крестьяне уже осенью были вынуждены есть семенное зерно. География регионов, охваченных голодом, была очень широка. Среди них – и юг Украины. Гражданская война нанесла большой урон Херсону и окрестным сёлам. Из города вывезли все ценности. Многие предприятия были разрушены. Рабочие уходили из города в сёла и занимались кустарным промыслом. Положение осложнилось засухой 1921 года: погибли почти все посевы. Власти к 1921 году стали забирать даже то зерно, которое крестьяне откладывали для собственного пропитания. Под предлогом борьбы с голодом президиумом ВЦИК 2 января 1922 года было принято постановление «О ликвидации церковного имущества» для его реализации в пользу голодающих. Голод стал поводом для советской власти нанести сокрушительный удар по церкви. Сбылось предсказание матушки Феодоры. 27 марта 1922 года был подписан документ о выселении монашек Благовещенского монастыря для открытия детского городка, для помощи голодающим детям. Было послано триста вооружённых красноармейцев. Обыскивали и откровенно грабили монастырь, съедали даже посевной материал, отбирали бельё, одеяла. Была уничтожена библиотека монастыря. Монашek выгнали за ограду. При обыске их оскорбляли, издевались, были покушения на изнасилование. Красноармейцы вытаскивали их за руки, волоча по земле, били прикладами. Крик, плач, брань, стон слились в единый вопль. По ночам верующая Татьяна Васильевна и баба Мотя, стоя на коленях, вымаливали прощение за содеянное красноармейцами варварство…

Повсюду орудовали вооружённые банды: они грабили население, вырезали целые семьи, убивали коммунистов. Но самым страшным был голод. Положение населения было ужасным. Скот, собаки, кошки съедены. Умерших хоронить некому. Есть было совершенно нечего, и как только заканчивалась лебеда, трава, жёлуди, кора деревьев и даже земля и глина, обезумевшие от голода люди ели трупы умерших и даже убивали своих близких, чтобы прокормить остальных. 30 января 1922 года Политбюро ЦК РКП (б) запретило публиковать сообщение о массовом людоедстве и трупоедстве в голодающих районах страны. Измождённые старики Пётр Константинович и баба Мотя уже перестали бороться за свою жизнь. Незаметно подкармливая внука Сергея, они напоминали лишь тени прежних людей, с трудом передвигаясь на опухших ногах. Умерли они один за другим, не желая расстаться даже на небесах. На похороны приехали брат Фёдора – Михаил Бондарчук и жена его Матрёна. Увидев, в каком бедственном положении находятся Фёдор и Татьяна с маленьким Серёжей, предложили перебраться в расположенный в четырёхстах километрах от Херсона город Переяслав, где они проживали. Это тот самый древний город, где Богдан Хмельницкий в 1654 году созвал большой совет казаков и принёс присягу на верность русскому царю Алексею Михайловичу. Но конечно, мотивом переезда было не историческое значение города, а то, что в Переяславе выдавались продпайки в производственных артелях. С большим трудом семья Бондарчуков с маленьким Серёжей добралась до Переяслава. К истощённым организмам легко пристаёт всякая зараза, сыпной тиф даже называют «голодным». Первая заболела Татьяна, и её пришлось отправить в местную больницу. Фёдору удалось устроиться разнорабочим. Первый свой паёк он разделил между маленьким Серёжей и хворающей Татьяной. Для этого ему пришлось всеми правдами и неправдами пробраться в больницу к любимой жене. Время шло к зиме, но помещение больницы не отапливалось, было холодно. Татьяна лежала в своём платье, как и другие пациенты. В окнах – доски вместо стёкол, не хватало даже кипятка. Фёдор едва узнал жену: исхудавшая, с тёмными кругами под глазами, с провалами бледных щёк. Татьяна узнала мужа, даже улыбнулась. Он покормил её из рук. Питание больных было более чем скучное – четверть фунта хлеба. Но

всё-таки оно было! Среди выздоравливающих лежали тяжелобольные и неуbraneные мёртвые тела. «Нет средств, нет топлива, ничего нет», – сетовала сестричка, самоотверженно ухаживающая за больными. Фёдор передал ей кусочек хозяйственного мыла, она через силу улыбнулась, подарок приняла. «Будет чем руки мыть, всё здесь заразное, осторожней», – предупредила она. «Есть ли у вас топор? – спросил Фёдор. – Пойду дрова поищу». Сестричка принесла колун. Фёдору удалось найти во дворе больницы пень. Он его порубил на щепы. Вскоре в отделении загорелся огонёк, стало теплее. А Фёдор заметил, как оживился взгляд Татьяны, он взял её за руку и дождался, пока она заснула. Нужно было возвращаться на работу, зарабатывать паёк.

Внутригоспитальное заражение – обычное дело, да и большинство медперсонала тоже болело. Вскоре и сам Фёдор заболел, и его положили рядом с Татьяной к той же сестричке. Но Татьяне стало немного легче, и теперь уже она помогала мужу переносить болезнь. Все заботы о маленьким Серёже пали на жену брата Михаила – Матрёну.

О катастрофической ситуации в России было объявлено летом 1921 года. Первая помощь начала приходить осенью. Помогали и организации, и отдельные люди. Французский писатель Анатоль Франс пожертвовал свою Нобелевскую премию России, исследователь Фритьоф Нансен организовал комитет «Помощь Нансена» для спасения голодающих. Помогла и Америка. В 1922 году Герберт Гувер, будущий президент США, создал организацию АРА, чтобы оказывать помощь голодающему населению Советов. Голод продолжал свирепствовать. Съедали всё: листья лебеды, липы, орешника, ботву, крапиву, мох, жёлуди, солому, высохшую кожу лошадей, коров. Из всего этого делались лепёшки. Наполняя желудок, они давали лишь ощущение ложной сытости и доводили людей до высшей степени истощения. Лучшим хлебом считался зелёный, целиком из лебеды; хуже – с примесью навоза, ещё хуже – навозный целиком. Именно тогда было сделано великое открытие «питательной глины», серой и жирной, которая была указана в пищу каким-то святым угодником. Человек мог прожить неделю, постепенно слабея. Ели черепах, сусликов, крыс, грачей, лягушек, саранчу и падаль. В такой ситуации голодающие воспринимали смерть как избавление от мучений. Особенно высокой была смертность детей до трёх лет. В целом по стране умерли свыше пяти миллионов человек. Число погибших от повального голода втрое превысило безвозвратные потери России во время Первой мировой войны. Более всего пострадали дети до трёх лет. В их число, к счастью, не попал двухлетний Серёжа Бондарчук благодаря неусыпному вниманию его тёти Матрёны и дяди Михаила.

После семи лет Первой мировой и Гражданской войн положение страны было катастрофическим. От боевых действий, голода и болезней, «красного» и «белого» террора ушли из жизни более девятнадцати миллионов человек. Детям, которым удавалось выжить, зачастую некуда было притулиться, их родителей в живых не было. И они пополняли ряды беспризорников. В 1921 году в СССР насчитывалось 4,5 миллиона беспризорников, а к 1922 году их было больше семи миллионов. Это грозило если не полным вымиранием целого поколения, то его моральным вырождением. Стали возникать детские дома: к 1922 году в них воспитывалось 540 тысяч детей.

Переход от военного коммунизма к НЭПу был провозглашён X съездом компартии России в марте 1921 года. Была разрешена частная торговля излишками. Продразвёрстка была заменена более низким продналогом. Карточная система распределения продовольствия была отменена и заменена привычной денежной зарплатой. Потихоньку восстанавливались крупные ярмарки. Одиннадцатого октября в 1922 году в Советской России ввели новую денежную единицу – червонец. Открывались лавки и магазины, парикмахерские, ремонтные мастерские...

По весне 1922 года, после своего выздоровления, семья Бондарчуков решила вернуться в Белозёрку. На базаре был продан ковёр, ещё несколько вещей, и на эти деньги была куплена старенькая лодка «Ветерок» с тентом, вёслами, с небольшим мотором. Скорость её была совсем невелика, но она подходила для главной задачи – перевезки двух семей. Рано утром уселись в лодку с нехитрыми пожитками, по реке Трубеж спустились к Днепру и добрались

до Херсона. Там и заночевали. Утром следующего дня прибыли в Белозёрку. Многие избы стояли покинутые, без крыш, с пустыми глазницами окон и дверных проёмов. Соломенные крыши изб были сняты и съедены, у плодовых деревьев срезана кора... Но весна своё дело делала. Прилетели птицы, в камышах появились дикие утки. Дядя Михаил с женой Матрёной вскоре уехал в Таганрог, где проживал старший их брат Александр Бондарчук, Фёдор и Татьяна остались в Белозёрке поднимать хозяйство. Трудились не покладая рук. И вот уже на грядках появился свой лук и чеснок. А на раненых деревьях завязалась шелковица. Голод отступал. Кроме того, большим подспорьем были лодка и удочки. Самые прекрасные дни для маленького Серёжи были, когда отец брал его поутру в лодку. Расступались камыши, и открывалась Белозёрка. А ещё можно было лечь навзничь на дно лодки, смотреть в небо и следить за игрой облаков. Находиться в лодке нужно было тихо, чтобы не спугнуть рыбу. К обеду в дом приносились большое и маленькое вёдра. В большом были и окунь, и судаки, а в маленьком – улов Серёжи: карасики, ведь к четырём годам он имел свою удочку. И невдомёк было маленькому Сергею, что у родителей была своя, напряжённая, подчас жестокая, жизнь. Храм закрыли, иконы спрятали от чужих глаз. Приходили письма от брата Михаила. Ему удалось устроиться на кожевенный завод в Таганроге. Таганрогский кожзавод славился качеством продукции и считался одним из крупнейших на юге России. Он был национализирован в 1920 году и стал называться «Кожзавод № 1». Правда, оборудование на нём было в катастрофическом состоянии. Один паровой котёл вышел из строя, другие были в аварийном состоянии. Об этом откровенно писал в своих посланиях Михаил. Он также писал, что строительная часть завода расширилась и работники должны были своими силами производить строительство, ремонты и оборудование. Словом, нужны были работники. И он звал брата Фёдора в Таганрог. Да и старший брат Александр давно проживал там с семьёй. Рабочие и служащие получали печёный хлеб и муку. Хорошим подспорьем были огороды для заводской столовой. На торжественном собрании кожевенников, состоявшемся в городском драматическом театре, коллективу завода вручили орден Трудового Красного Знамени. Об этом написали оба брата – Александр Бондарчук, который работал в драмтеатре, и Михаил. Фёдор обсуждал возможный переезд в Таганрог с Татьяной. Она не возражала, особенно после того как прочла в очередном письме, что на заводе есть трудовая школа и детский сад. В нём находились семьдесят пять малышей на полном обеспечении завода. Но главное, главное сообщила мужу Татьяна 25 сентября, в день рождения сына Серёжи. Ему исполнилось шесть лет и в подарок был вручен детский рубанок, набор отвёрток и молоток. Татьяна призналась мужу, что ждёт ещё одного ребёнка, что срок маленький, но всё нужно обдумать. Ну что тут было думать. Серёже на следующий год в школу нужно было идти, а Татьяне кто-то должен был с младенцем помогать. Тут, конечно, и Матрёна припомнилась – как спасла она Серёжу, когда оба с тифом слегли. У Матрёны был брат, и по её просьбе он прислал Фёдору Бондарчуку денег, чтобы семья смогла переехать в Таганрог. Всё, что созрело на огороде, было собрано, вещей было немного. Главное – родовые иконы, портреты деда Петра Константиновича Бондарчука и его супруги – бабы Моти. Почтили память стариков и – в путь.

Таганрог

Мне было семь лет, когда я увидел первый фильм. Хорошо помню своё впечатление. Абсолютно был уверен в том, что увиденное не разыграно, не воссоздано, а на плёнку кем-то запечатлена и показана с а м а ж и з н ь.

Сергей Бондарчук

В 1924 году семья Бондарчуков переехала в Таганрог, один из крупнейших в то время городов Приазовья. Фёдор Петрович устроился работать на кожевенный завод. В Таганроге семилетний Сергей ощутил неясные пока ещё волнения души – притяжение театра и зов моря. Всю жизнь Сергей Фёдорович вспоминал с нежностью тихую улицу с названием Конторская, где отец снимал комнату. Домовладелец имел какие-то родственные связи с бывшим антре-пренёром таганрогской театральной труппы – одной из лучших в дореволюционной России. Серёже частенько перепадали свободные контрамарки на спектакли, и он буквально «заболел» театром. Театр, один из старейших в России, в 1920 году, в год рождения Серёжи Бондарчука, – был национализирован и назван народно-художественным. В этом театре работал дядя Сергея, и иногда мальчика пускали за кулисы. На сцене театра гастролировали известные артисты-мхатвовцы: Книппер-Чехова, Москвина, Тарасова.

Жизнь за кулисами театра будоражила воображение Серёжи. В школе № 4, где Сергей учился, он узнал, что в Таганроге родился писатель Антон Павлович Чехов. Ребятам показывали дом, где он когда-то жил, – на бывшей Полицейской улице, в маленьком флигельке. Антон Чехов, впервые посетив театр, увлёкся им, и это увлечение продолжалось всю жизнь. Позже Сергей узнал, что с помощью своего одноклассника Яковлева, сына артиста этого театра, Чехову также удалось проникнуть за кулисы и познакомиться с жизнью актёров. Именно поэтому Чехов начал сочинять пьесы, и героями их стали актёры.

Сергею нравился театр. Изящная роспись, тонкая лепка, ажурная люстра, которая медленно гасла… И возникала жизнь. Там – на сцене. А когда играл дядя Сергея, он видел действо совсем близко, но только сбоку. Зато можно было наблюдать, как готовятся артисты перед выходом на сцену. Именно тогда Серёжа Бондарчук решил, что он непременно станет актёром. В своей школе он начал посещать театральный кружок.

«В школе, – вспоминал Сергей Фёдорович, – мои стремления поддерживала моя первая, добрая и сердечная учительница. С ней мы ставили незатейливые спектакли – весёлые и смешные, но имевшие воспитательное значение. Однажды мне довелось играть взрослого человека в пьесе “Пропавшие дети”. Я изображал беспокойство и тревогу за малых ребятишек, которые ушли из дома смотреть праздничную демонстрацию и долго не возвращались, не случилось бы с ними чего, видать, придётся их разыскивать. Мне хотелось быть таким, какими бывают старики. Вспомнил любимого дедушку Петра Константиновича, подолгу всматривался в его портрет, седые усы… Потребовались седые волосы, и белая борода, и усы. Седину я изобразил, в общем-то, легко, высыпал на голову полкоробки зубного порошка. Труднее было придумать бороду. Но всё же я додумался: решил привязать к подбородку полотенце: вышло почти так же, как в вахтанговской “Принцессе Турандот”».

Но более всего на юного Серёжу Бондарчука повлияла блистательно начавшаяся карьера Коли Дупака, который приветствовал Первый съезд стахановцев. Пионеры говорили: «Я хочу быть лётчиком, танкистом, шахтёром…» А Коля Дупак сказал: «Я хочу быть артистом и обязательно им буду». Не эти ли слова, но про себя, произнёс Серёжа Бондарчук вместе с будущим своим другом Колей Дупаком, с которым судьба сводила его много раз.

В Таганроге родилась сестра Сергея – Тамара Бондарчук. Дочка в семье появилась 26 апреля 1927 года. Семилетнему Сергею даже дали подержать крохотную девочку на руках. Но он сразу её передал маме, боялся уронить такое сокровище.

Однажды вся семья отправилась смотреть фильм «Подвиг во льдах» и впервые в жизни Серёжа попал в кинотеатр. Погас свет, и прямо перед ним стала разворачиваться неведомая дотоле жизнь. Люди на собачьих упряжках. Огромный дирижабль плыл по небу. Корабль, круша и раздвигая льды, несся кому-то на помощь. Много лет спустя Сергей Бондарчук вспоминал: «Помню летний кинотеатр в Таганроге. Шёл фильм “Подвиг во льдах”. Видимо, это был один из первых звуковых фильмов. Впечатление было колоссальное, до сих пор слышу звук ломающихся льдин. Когда окончился сеанс, я подождал, чтобы разошлась публика, и заглянул за экран. Что я ожидал там найти? Наверное, разгадку чуда. Не могу объяснить, но и сейчас помню это чувство».

Семья Бондарчуков прожила в Таганроге почти пять лет. Все эти годы Фёдор Бондарчук работал на кожевенном заводе. Работа была трудная и небезопасная. Через два года после прибытия Фёдора в коллектив случилось несчастье. Его брат Михаил упал в котлован и погиб. Это случилось в старом дубильном отделении. Здание было низким, плохо освещалось естественным светом, в нём совершенно отсутствовала вентиляция. Возможно, трагедия случилась из-за обморока. Братья Александр и Фёдор похоронили Михаила в закрытом гробу, на старом городском кладбище.

В ноябре 1929 года на пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». Было решено направить в колхозы на постоянную работу 25 тысяч «передовых» городских рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами». Среди других в 1932 году был послан партией на создание колхоза в Широчанке близ города Ейска и Фёдор Бондарчук. Туда переехала и вся семья.

Ейск

В детстве я жил в Ейске, на берегу Азовского моря. Это был маленький тихий городок со всеми приметами провинциального захолустья. Мальчишкой бегал по пыльным улицам.

Сергей Бондарчук

В 1932 году семья Бондарчуков переехала в Ейск. В одном доме с Бондарчуками проживала семья военного – Григория Даниленко, занимавшая две комнаты. Рядом в трёх комнатах расселились: Фёдор Петрович, Татьяна Васильевна, их сын Сергей и дочь Тамара. Коридор и кухня были общими, а ещё у дома был небольшой дворик, увитый виноградом. Вместе с супругами Даниленко проживала их дочь Валентина, которой к моменту приезда 12-летнего Серёжи Бондарчука было 10 лет. Учились они в одной школе № 2. Фёдор Петрович Бондарчук был призван в Широчанку, село рядом с Ейском, и назначен председателем колхоза.

Татьяна Васильевна категорически не хотела уезжать из города в деревню. Она любила городскую жизнь. Была женщиной вальяжной и любила читать романы. «Я городская, – говорила она, – коров доить не умею. Мне нужно сохранить эти комнаты, эту квартиру». Она вообще не признавала колхозы. Вот тут-то и наметился семейный конфликт. Фёдор Петрович много времени проводил в Широчанке. А там за ним и другие девушки стали приглядывать, да и ухаживать. И молочка приносили, и супчика, и… домой приглашали. И присмотрела его одна женщина – Анна Ефимовна Клименко. Она тогда уже была разведена. И частенько приглашала молодого председателя колхоза Фёдора к себе домой.

А в Ейске Татьяне Васильевне стали нашёптывать. Приезжали из Широчанки женщины, которые на рынок привозили товар, и говорили: «Что ж ты сидишь, Татьяна? Уводят твоего мужа. Что ж ты не приезжаешь в Широчанку? А ну, дай там ей разгон». Татьяна отвечала им: «Я не из таких. Как же я могу удержать, если там его уже держат крепко? Я не могу».

Так и жили, без развода, на два дома. У Фёдора Петровича разница в возрасте с Анной была 16 лет. Её так и прозвали в семье – молодуха… Сергей знал об измене отца, остро переживал. Родительский авторитет упал и, назло всем, Серёжа стал хулиганить, плохо учиться и прогуливать уроки. Поэтому его оставили на второй год в школе, и теперь с Валентиной они уже учились в одном классе. Серёга был заводилой всех проказ и однажды подговорил друзей сбежать из дома. Несколько дней ребята жили в садах за городом, родители не знали, где они находятся. Кое-какой еды они взяли с собой. Но прошло несколько дней, все затосковали, устали и, замученные и голодные, вернулись к родителям. Все, кроме Сергея. Но одному в бегах быть совсем не интересно. Сергей проследил за сестрой Тамарой. Наконец она вышла из дома, он её позвал и стал просить: «Тамарочка, принеси мне, пожалуйста, сахара, водички и кусочек хлеба». А она ему говорит: «Да что же ты такой-сякой? Тебя все ищут, мама плачет. И почему я тебе что-то должна нести?» Сергей стал её умолять: «Ну принеси. Я тебя очень прошу. Принеси, пожалуйста, есть страсть как хочу». Ну, Тамара еду принесла из дома, но маме всё-таки рассказала о встрече. Пока отца ещё не было, он с работы поздно возвращался, – Татьяна Васильевна приняла сына. Отругала, конечно, но помыла, накормила. Ну, а уж когда Фёдор Петрович домой вернулся, досталось Серёжке по полной – ремнём отходил сына за побег.

И всё-таки в Ейске было хорошо! Море – рядом, а это значит и рыбалка… То бычки, то тарань с икорочкой… Все ребята научились её вялить, а если уж попадался большой рыбец, то его торжественно относили в клеть и потом коптили. Однажды Сергей нырнул, а течение затянуло его под днище баржи. Изо всех сил он пытался выбраться, но руками и головой всё время упирался в скользкое днище. Он потерял ориентацию – где верх, где низ. Бросался вправо-

влево... Теряя сознание, рванулся из последних сил и выбрался на поверхность. Запомнил это происшествие навсегда. Море не отпускало загорелого до черноты Бондю (такую кличку дала ему детвора). Вскоре на левой руке появилась наколка чёрной тушью – татуировка якоря – символа надежды морских странников. А на правой ляжке неумелый дворовый «художник» изобразил парусник, идущий на раздутых парусах.

В парке с театральной раковиной всегда звучала музыка, а по вечерам устраивались танцы.

С семьёй Бондарчуков дружила семья Мордюковых. Глава семьи, Ирина Петровна Мордюкова, в девичестве Заиковская, – была заводилой среди казачьей молодёжи станицы Старо-Щербиновской. Семья Мордюковых была многодетной – шестеро детей (двоих сыновей и четырёх дочери). Старшая – Ноябринка (Нонна), на плечи которой из-за постоянной занятости матери падала самая тяжёлая работа, росла по-мальчишески порывистой, сильной. Была она и нянькой, и прачкой, и кухарить умела. Но больше всего любила она петь вместе с матерью. Музыкальный слух унаследовала Нонна от предков мамы, которая пела волшебным альтом, да ещё и аккомпанировала себе на гитаре. Ирина Петровна не только управляла колхозами, но и ставила самодеятельные водевили. Нонна Мордюкова заканчивала ту же школу, что и Серёжа Бондарчук. И так же много хлопот доставляла учителям. Любила озорничать. «Смотри, Нонна, будешь такой же бандиткой, как Бондарчук!» Но Серёжа Бондарчук не только хулиганил, он любил рисовать, петь, танцевать... И, конечно, его увлекал театр. А в Ейске был театр, со своей историей. В 1920 году одарённый актёр М.А. Раксанов создал в Ейске драматический театр. Репетировали и выступали актёры на сцене Народного дома. Выезжали в станицы Должансскую, Камышеватск. Именно в этом коллективе начинала свой творческий путь Татьяна Ивановна Пельцер. Она работала в театре в 1931–1934 годах, когда Сергею Бондарчуку было одиннадцать-четырнадцать лет. В это время Сергей напросился к художнику – помочь рисовать и раскрашивать декорации. Так он попал за кулисы театра и наконец выпросил для себя роль без слов. Но зато он должен был появиться в шекспировской пьесе в историческом костюме. Нужно было выйти из-за кулис с подносом, поставить бутафорские фрукты на стол и удалиться в другую кулису. Он позвал на прогон спектакля соседку Валентину, влюблённую в него по уши, сестрёнку Тамару и нескольких своих друзей. На генеральной репетиции он почувствовал дрожь в ногах и испарину на лице. Валентина увидела его волнение, когда он появился в ливрее на сцене. Вместо того чтобы поставить поднос на стол, молодой артист прошагал мимо стола по диагонали через всю сцену. Ещё шаг... и со звоном Сергей повалился вместе с подносом и фруктами в оркестровую яму. Минута молчания – и дружный смех в зале. Валентина выскочила из театра, за ней – дворовые друзья, которые хотели от души: «Во, Бондя опозорился! Нет, как он гордо вышел и ухнулся в яму!» Валентина подождала Сергея. Он шёл, не разбирай дороги. Увидев Валю, остановился: «Нет, это что со мной произошло? Не понимаю...» – «Ты не ушибся, Серёжа?» – сочувствовала Валя. Но ему стало от сочувствия только хуже. Всю ночь Сергей не спал, переживая свой позор. Но на премьеру вышел. Поставил, как полагалось, поднос и с гордостью удалился за кулисы, дав себе зарок больше не появляться на сцене.

Но вскоре Сергей и Валентина организовали свой театр во дворе дома, где они жили. Вначале название было хулиганским: «Театр старых пердунов». Сергей обожал изображать стариков, подмечая самые смешные их привычки. Он привязывал к лицу мочалку, брал в руки суковатую палку и напевал не очень приличные частушки, вызывая восторг у мальчишек... Вскоре на показы стали приходить и взрослые. Театр был переименован, название придумала Валентина. Так во дворе их дома появился «Театр Христофора Колумба». Из шкафов Татьяны Васильевны и мамы Валентины стали исчезать юбки и кофты, даже скатерти. Ведь нужны были костюмы, реквизит. Здесь уже вовсю проявилась невероятная энергия и способность Бонди объединить своих сверстников в создании спектаклей. Валентина во всём поддерживала Серёжу. Во дворе нередко звучали смех и даже аплодисменты. Улица больше не

звала, весь интерес Сергея сосредоточился на игре в театр. Ставились лавки, табуреты, стулья, и появлялся неузнаваемый Сергей. Он посыпал свои жгуче-чёрные волосы зубным порошком, и появлялся старик. Сергей громил мамин комод, забирал её старые туфли на каблуках, брал помаду, шляпки. И появлялась расфуфыренная краля. Только Валя знала, что это – всё тот же Серёга. Сестра Тамара сидела на билетах, младшие ребята приходили со своими стульчиками. А иногда, вечером, на натянутой простыне Сергей показывал свои «фильмы». Он ухитрялся вставить в бутылку катушку, на которой рулончиком были наверчены картинки, которые он сам рисовал. Бутылка подсвечивалась лампой, катушка на проволоке крутилась, и на простыне появлялись смешные картинки, которые озвучивал сам Серёжа. Все были в восторге.

В городе было три кинотеатра: зимний звуковой «Звезда», кино-эстрадный «Пролетарий» и летний «Темп». Сергей был в восторге от комедии «Закройщик из Торжка» с неподражаемым Игорем Ильинским. Видел удивительный фильм с объёмной мультипликацией «Новый Гулливер», «Юность Максима» с Борисом Чирковым. И «Возвращение Максима». Вместе с друзьями Сергей распевал любимую песню из фильма:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть.
Кавалер барышню хочет украсть...

Валентина была в восторге, когда они гурьбой подходили к дому и Сергей продолжал петь с намёком:

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблён?
Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблён!

Сергей Фёдорович вспоминал: «Представлял я “Чапая”, представлял “Пата и Паташона”. Пата я играл сам, приделывая себе длинные, унылые, обвислые усы, как у старых добрых казаков-запорожцев. А Паташона приходилось каждый раз подыскивать нового».

Татьяну Васильевну частенько вызывали в школу. Учителя жаловались на Сергея. То он с урока вылез в окно, то учинил драку. То вместе со своим другом Толей распевал во всё горло:

Здравствуй, Леваневский,
здравствуй, Ляпидевский,
Здравствуй, лагерь Шмидта, и прощай!
Капитан Воронин судно проворонил,
А теперь червонцы получай!

Если бы не Мишка, Мишка Водопьянов,
Не видать бы вам родной Москвы!
Плавали б на льдине, как в своей малине,
По-медвежьи выли от тоски.

Вы теперь герои. Словно пчёлы в рое,
Собрались в родимой стороне.
Деньги получили, в Крым все укатили,
А «Челюскин» плавает на дне.

«Вы понимаете, Татьяна Васильевна, – выговаривала директор школы, – весь советский народ воспринял с радостью весть о спасении челюскинцев из ледового плена нашими лётчиками. Первый герой – выпускник нашей школы, Анатолий Ляпидевский, наша гордость. Мы бережно храним парту, за которой сидел Ляпидевский… А ваш сын распевает куплеты сомнительного свойства. Откуда он их взял? Они прилипли к нему, как репьи на собачий хвост. Чего он хочет? Чего добивается?»

Фёдор Петрович строго отчитывал сына. «Песенку эту дурацкую забудь. Тебе уже пятнадцать лет, пора определяться…» После разборок с родителями озорной Бондя на высоких акациях закрепил толстые верёвки и прыгал, раскачиваясь, с дерева на дерево под визг Валентины. «Господи, – негодовала Татьяна Васильевна, – да что ж это за наказание такое! Ах ты ж, обезьяна африканская! Слезай сейчас же!» На что сын, не спускаясь с дерева, оттопыривал уши и выдвигал нижнюю челюсть. И кричал, как павиан. Прыгал, прыгал, пока не сорвался и не сломал руку. Сергей продолжал играть и в драмкружке своей школы. В выпускном классе ему доверили роль начальника контрразведки в пьесе «Пятёрка». Постановку смотрела вся школа, Валентина и Татьяна Васильевна с дочерью Тамарой. Учителя сидели в первых рядах. Но один из них, преподаватель литературы, стоял за кулисами. И после первой же сцены, там же, за кулисами, сказал Сергею: «У тебя талант».

По окончании школы Сергей заявил родителям: «Хочу быть артистом. Поеду в Москву поступать в театральное училище…» – «Куда-куда? В Москву?» – с иронией спросил отец. «Да, в Москву! При театре Революции есть училище. Театральное».

На некоторое время оставим семью Бондарчуков, чтобы понять положение театрального искусства в СССР. Социальные потрясения, пережитые страной, принесли большие изменения в художественную жизнь. Эмигрировали многие деятели искусства и литературы: И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А.И. Куприн, М.И. Цветаева, Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов и другие могучие таланты. Но были и те, кто остался на Родине в надежде продолжить свою творческую жизнь. Советскую литературу в тридцатых годах создавали писатели М.А. Шолохов (вышли его «Донские рассказы», «Тихий Дон», которые читали в семье Бондарчуков), А.А. Фадеев (роман «Разгром»), М.И. Пришвин, поэты В.В. Маяковский, Н.Н. Асеев, М.А. Светлов. Все они боролись за преемственность современной культуры рабочего класса с отечественной и мировой классикой. Послереволюционные рабочие и народные театры устраивали антирелигиозные представления. Это были спектакли-карикатуры. Среди участников обязательно были: поп, купец, царь (все непременно с большими животами). Поощрялись рабочие, принёсшие из дома иконы, чтобы прилюдно их сжечь. Популярны стали театральные коллективы «Синяя блузка», или синеблузники. Они выступали в синих блузах, чёрных юбках или брюках, исполняя свои марши:

Мы синеблузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-солоны —
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи…

«Синяя блузка» породила тысячи последователей.

В 1934 году возник Союз писателей СССР под председательством Максима Горького. А.Н. Толстой вернулся на родину и стал работать над романом «Пётр Первый». Вышли фильмы: «Мы из Кронштадта» (реж. Е. Дзиган), «Депутат Балтики» (реж. А. Зархи и И. Хейфиц), «Человек с ружьём» (реж. С. Юткевич), комедии Александрова: «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга». Культура тридцатых годов в СССР переживала своеобразный подъём. Произошла остшая дифференциация: для одних, особенно для тех, кто жил в городах, были

доступны серьёзные театры, для других – клуб с непременной самодеятельностью на долгие годы стал единственным очагом культуры. Так называемое элитарное искусство, которое было понятно людям достаточно образованным, стало доступным только жителям крупных городов. Учреждения культуры в маленьких городах носили на себе налёт провинциальности и отставали как в оснащении, так и в понимании культуры в целом. В тридцатые годы в театральной среде СССР сложилась особая ситуация. С началом НЭПа в стране началось сокращение числа театров за счёт любительских, непрофессиональных коллективов. Но как раз эти люди считали себя профессиональными актёрами. «Комедиантами», как их с презрением называл Фёдор Бондарчук, посетивший несколько раз ейский театр. Из таких людей состояло множество безработных актёров, любивших выпить и влакивших жалкое существование. Именно в тридцатые годы стали открываться театральные студии. Лидером левого театра стал В.Э. Мейерхольд, принявший революцию. В год рождения Сергея Бондарчука Мейерхольд основывает в Москве театр РСФСР, провозглашая лозунг «Театральный октябрь». Он ставит «Мистерию Буфф» В.В. Маяковского, где соединяет принципы конструктивизма в оформлении спектаклей и биомеханики в актёрском искусстве. Новые герои, через характер которых шло осознание революционных событий, постепенно завоёвывали сердца зрителей. В 1935 году Немирович-Данченко ставит «Врагов» Горького, где блестательно выступили великолепные мхатовские актёры: Н.П. Хмелёв, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, М.М. Тарханов, А.Н. Грибов. Период тридцатых годов связан с расцветом актёрских школ. Расширяется сеть театрального образования. Татьяна Васильевна Бондарчук любила не только романы, но и с удовольствием брала в ейской библиотеке журналы, среди которых были «Театральная декада» (выходил в 1934–1937 гг.), «Рабочий и театр» (выходил в 1924–1937 гг.) и другие. Именно в этих журналах юный Сергей Бондарчук читал рецензии на главные постановки и спектакли, которые в основном происходили в далёкой и манящей Москве. В журналах печатались популярные статьи о готовящихся постановках в ведущих театрах страны, творческие портреты знаменитых актёров, разбирались спектакли. Появлялись репортажи о работе гримёров, костюмеров. Сергей, помогавший разрисовывать доморошенные декорации в театрах Таганрога и Ейска, с замиранием сердца читал в театральном журнале: «В третьем акте “Спящей красавицы” в течение сорока пяти секунд заколдованный лес превращается во дворец с лестницами и волшебной меблировкой. Это “чудо” – результат специальной сноровки и выучки театральных рабочих». «В артисты хочу пойти, батя! В Москве буду учиться!» Фёдор Петрович настаивал на инженерной профессии, мотивируя это склонностью Сергея ко всякого рода поделкам… Но сын настаивал: «Я буду артистом!» Разъярённый, вспыльчивый до крайности Фёдор Петрович перестал разговаривать с сыном. «Господи, – думала бедная Татьяна Васильевна, – Господи, нашла коса на камень!» Все переживания, связанные с его решением ехать в Москву, Сергей изливал своей верной подруге Валентине Даниленко. Валюша призналась Сергею, что и за неё был сделан выбор родителями, о чём она ему и сообщила: «Я, Серёжа, буду поступать в Краснодарский мединститут. Мне уже и билет купили… Уезжаю я из Ейска». Сергей взглядался в добрые и такие родные глаза Валентины: «Писать мне будешь?» – «А куда писать, Серёжа?» – «Я, как приеду в Москву, устроюсь… Напишу Тамарке, сестре. А она – тебе весточку подаст». Валентина грустно мотнула головой: «Я ждать буду. Весточки». – «А ты, Валюха, станешь доктором и приедешь ко мне в Москву. Будешь меня лечить… Ну, не только меня». Дети понимали, конечно, что расстаются навсегда, но продолжали верить, что дороги обязательно где-то, когда-то пересекутся. Забегая вперёд, скажу, что так и произошло, но очень не скоро.

«Мама, объясни отцу, что я не смогу без театра, – умолял Сергей Татьяну Васильевну, которая была на стороне сына… – Скажи ему, что если и не даст денег на дорогу, я уеду в Москву без них…» Убедившись, что намерение сына серьёзно, отец наконец смирился и благословил: «Только будь, Сергей, актёром, а не комедиантом!»

Сергей поехал в Москву с другом Толей. Они вместе готовились целый год к Москве: читали журналы, смотрели фильмы. Москва ошеломила. Толпы людей, переполненные трамваи. С Курского вокзала пришли ребята к Никитским Воротам, а потом и к театру Революции. Поглазели на афиши, на портреты вождя... Везде были очереди, длинные и безликие. Москвичи мчались по улицам, ни с кем не здороваясь, бросались в трамваи, суетясь повсюду. «Как мураши, — заметил Толя. — Куда бегут? Зачем?» Друзьям приходилось встать в очередь в общественный туалет и к колонке с водой, чтобы помыть руки. Только квас им понравился да мороженое в вафельном стаканчике. Три мучительных дня ходили они по улицам Москвы. И опять толпы куда-то спешащих людей, которым судьба двух юношей из Ейска была безразлична. И такими же чужими, негостеприимными казались друзьям улицы, огромные здания, украшенные огромными портретами вождя. Ночевали они на скамейках бульвара. В первый вечер, когда зажглись огни в окнах, на фонарях,чувствовали себя в какой-то сказке. Сказке, где не было для них ролей. Полуголодные, бесприютные, они так и не решились переступить порог театрального училища. «На порог училища даже ступить было страшно, — признавался позже Сергей Фёдорович. — Не от неуверенности в своих силах... Это сложнее. Это — от сопоставления себя, своих возможностей с идеалом... Это вечное моё “смогу ли?”». Но Сергей не мог вернуться в Ейск под грозные очи отца и признаться ему в своей трусости, а ведь придётся сказать ему правду.

Он простился с приятелем на перроне Ростовского вокзала и пошёл заниматься на работу в драматический театр. Не взяли, посоветовали пойти в театральную студию. Но там приём документов уже был закончен. Судьба загнала Сергея в угол. Им овладели злость, стыд, доходящий до отчаяния. И в этом состоянии он всё-таки настоял, чтобы его прослушали. На его счастье среди педагогов нашёлся один, который уступил желанию черноглазого парня из Ейска. Им оказался один из ведущих педагогов училища Алексей Матвеевич Максимов. Но перед ним Максимов решил прослушать ещё одного абитуриента. Молодой человек встал перед Максимовым и произнёс: «О, великое искусство, прими мои первые шаги!» Серёжа не мог удержаться от улыбки и вдруг, неожиданно для себя, признал в абитуриенте Николая Дупака, того самого, которому он старался подражать ещё в Таганроге. Максимов сумел разглядеть в Сергееве Бондарчуке, несмотря на изрядную помятость брюк и рубашки абитуриента, огненные глаза, задушевность интонаций, словом — увидеть в нём артиста. Так Сергей оказался в числе студентов театрального училища в Ростове-на-Дону. Сергей Бондарчук сам подошёл к Николаю Дупаку и сказал: «О, великое искусство, давай с тобой объединяться. Будем и жить в одной комнате. Ты — артист Таганрогского театра, а я — артист Ейского театра». Так началась их студенческая дружба, продолжавшаяся всю их жизнь. Разве думал тогда юноша из Таганрога, что по прошествии многих лет станет директором легендарного Театра на Таганке. Сам Николай Дупак вспоминал о времени их студенчества: «Бондарчук курил. А сигарет не хватало. Вернее, не хватало денег на них. Он мог мне сказать: “Микола, пошли погуляем”. А “погулять” у нас называлось — пойти на автобусную остановку и пособирать бычки, которые не докурил кто-то. Мы их собирали, приходили домой, он всё это шелушил, подогревал на печке и цыгарки крутил. Потом курил. В конце марта к нам приехали два молодых человека, присмотрелись ко мне, сделали несколько фотографий и уехали. Через неделю получаю телеграмму: “Прошу срочно прибыть на пробы в роли Андрея для кинофильма “Тарас Бульба”. Александр Довженко”. В этот же день наша студенческая жизнь с Сергеем прервалась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.